

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1924 г. — ЛЕНИНГРАД

ДАНДИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕСЯТИ ПРИНЦЕВ

(Продолжение ¹)

Глава третья

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЦАРЕВИЧА УПАХАРАВАРМАНА.

Странствуя по разным местам в поисках за тобою, как-то раз я зашел на свою родину в царство Видеха. Немного не доходя до города Митила, я остановился для отдыха и завернул в небольшую находящуюся вблизи города обитель. Там старая монахиня дала мне воды для омовения ног, и я на время расположился на террасе храма. Но не успела она в меня всмотреться, как слезы по неизвестной причине ручьем потекли из ее глаз.

«Мать моя! Что это такое? — спросил я. — Скажи из-за чего ты плачешь?»

Она с нежностью посмотрела на меня и отвечала:

РАССКАЗ МОНАХИНИ.

«Дорогой сын мой! Ты наверное слышал о царе нашем Прахаравармана. Слышал и то, что его величайшим другом был Раджаханса, царь Магады.

Необыкновенно дружны были между собою также и их жены, Васумати и Приемвада. Их дружба была так же тесна, как легендарная дружба двух демонов, Бала и Шамбада. И вот, когда Васумати, царица Магады, в первый раз разрешилась от бремени, то Приемвада захотела посетить свою любимую подругу и поздравить ее с радостным событием. Вместе со своим мужем она отправилась в Пушпапур, столицу Магады. Как раз во время их пребывания там произошло большое сражение между царем Магадским и его восточным соседом, царем страны Малава.

Первый из них едва не отправился на тот свет, а помогавший ему Прахараварман, наш царь Митилийский, остался в живых только благодаря личному вмешательству царя победителя, царя Малавийского.

¹) См. журнал «Восток», № 3.

Когда он на обратном пути достиг пределов своего царства, то оказалось, что царская власть там уже захвачена его племянниками, Викатаварманом и его братьями, сыновьями старшего его брата Санхаравармана.

Тогда он решается обратиться за помощью к другому племяннику, сыну своей сестры, царю Сухмийскому, с тем чтобы взять от него отряд войска и с его помощью вернуть себе трон. Однако по дороге туда он очутился в безлюдной лесной местности и подвергся нападению разбойников, которые его ограбили дочиста. У меня на руках был тогда ребенок, его младший сын.

Испуганная целой тучей стрел, которые посыпались на нас со стороны разбойников, я побежала и очутилась в конце концов одна среди дремучего леса. Тут я наткнулась на тигра, раздиравшего труп павшей коровы. Как только он хотел схватить меня в свои когти, я упала и уронила ребенка случайно как раз на труп убитой тигром коровы. Тигр уже потянул к себе труп вместе с ребенком, но в это время стрела, пущенная одним из разбойников, в один миг сделала его бездыханным. Ребенка взяли к себе дети лесных разбойников. Я же пролежала некоторое время в забытьи, затем меня подобрал какой-то пастух и доставил в свой шалаш. Он пожалел меня, вылечил мои раны, я поправилась и захотела вернуться к своему царю. Но я не знала, как это осуществить, и томила в одиночестве. В это время к тому месту, где я жила, пришла моя родная дочь вместе с каким-то молодым человеком. Увидав меня, она громко зарыдала. Когда же она выплакалась, то принялась рассказывать мне все то, что произошло с нею, после того как был разграблен царский караван. Оказалось, что находившийся на ее попечении другой царевич также попал в руки разбойников, ее же также вылечил от ран какой-то лесной житель, который, когда она выздоровела, пожелал на ней жениться. Она резко ему отказала, боясь осквернить себя союзом с человеком низшей касты. Тогда тот рассердился и хотел было уже в уединенном месте, в лесу, отрубить ей голову. Но случайно там оказался вот этот молодой человек, который убил злодея.

«Тогда я вышла замуж за моего спасителя. Молодой человек этот, мой спаситель, когда я стала его расспрашивать, оказался не кем иным, как чиновником, состоящим на службе у нашего же царя Митилийского. Он странствовал по служебным поручениям и в это время возвращался домой чрез эту местность».

Вместе с ними и мы вернулись домой, и, придя к царю, рассказали ему о судьбе его детей. (Каждое наше слово) обжигало огнем острого страдания слух царицы Приямвады. Что касается царя, то судьба не была ему благоприятна. Война его с племянниками, сыновьями старшего брата, затянулась. Наконец он, не вытерпев, неосторожно ввязался в большое сражение и после продолжительной ожесточенной битвы был взят в плен.

Царица, его супруга, также была заключена в тюрьму. Все это произвело на меня настолько тяжелое впечатление (что жизнь мне проти-

вела). Однако я была уже настолько стара, что сознательно лишиться себя жизни не могла решиться.

Тогда я пришла жить сюда, в эту обитель. Дочь моя, напротив, под влиянием всех этих несчастий (переменила господ) и поступила на службу к старшей жене нового царя Викатавармана, царице Кальпасундари. Что же касается обоих царевичей (похищенных разбойниками), то если бы они росли без дальнейших злоключений (и находились в живых), — то они должны были бы быть теперь как раз твоих лет. Ах, если бы только они были живы! Тогда царь наш (их родитель) не подвергнулся бы такому насилию со стороны своей родни, которой достался его трон».

Рассказав это, она в глубоком горе принялась рыдать.

ПЛАН УПАХАРАВАРМАНА.

Под влиянием рассказа монахини у меня тоже поднялись слезы в горле, и я открылся ей (приказав никому не выдавать) тайны.

«Если это так, — сказал я, — то успокойся, мать моя! Вспомни-ка после того, как над тобой стряслась эта беда, ты ведь встретила одного отшельника и просила его постараться отыскать пропавшего ребенка и спасти его. Он же действительно нашел и воспитал его. Это очень длинная история! Но стоит ли ее рассказывать? (Это неинтересно. Но вот что важно:) тот ребенок — это я; я здесь, и я, конечно, был бы в состоянии тем или другим путем добраться до Викатавармана и убить его! Однако дело в том, что (вслед за ним кандидатами на престол явятся) целый ряд его младших братьев, которые будут поддержаны городским и сельским населением. Про меня же никто решительно из здешних не знает, кто я такой. Даже родители мои обо мне ничего не знают: стоит ли говорить о других? Поэтому нужно обделать это дело планомерно!»

Тут старуха снова разрыдалась, обняла меня и несколько раз поцеловала в голову, из груди у нее от волнения показались капли молока, и прерывающимся голосом она сказала:

«Дитя мое дорогое! Живи долго, будь счастлив! Очевидно, теперь владычица-судьба стала к нам благосклонна. Уже с самого сегодняшнего дня царство Видеха стало принадлежать Прахараварману (своему законному царю), так как (такой молодец, как) ты, расправляет свои крепкие руки и принимается сегодня же за то, чтобы спасти его из беспредельного океана горя! Какое счастье для царицы Приямвады, твоей матери!»

И, вне себя от радости, она принялась ухаживать за мной, дала мне умыться и покормила меня. Когда наступила ночь, я выбрал себе местечко в той же обители, устроил себе ложе из циновок и лег спать. Ночью мне в голову пришли такие мысли: «Без хитрости и обмана тут дело не обойдется. Источником же всяких обманов обыкновенно бывают женщины! Поэтому постараюсь-ка я узнать от этой старухи все, что происходит на женской половине дворца. Затем нужно будет использовать ее, как орудие и постараться привести в исполнение один сложный план!»

Вся ночь прошла у меня в обдумывании подробностей. Тьма стала рассеиваться. Ее как бы уносило мощное дыхание божественных коней, которые влекли из океана на гору востока колесницу с восседавшим на ней светилом. Показалось солнце, и с ним вместе почувствовалась легкая прохлада. Охлажденное во время ночного пребывания в воде океана, солнце стало как бы распространять кругом свою свежесть. Я встал и принялся сначала за совершение всех обрядов, которые полагается исполнять каждое утро. Покончив с ними, я обратился к старухе, как к матери, со следующими словами:

«Матушка моя! хорошо ли ты знаешь все, что происходит на женской половине дворца нашего злодея, царя Викатавармана?» Не успел я задать этот вопрос, как показалась какая-то молодая женщина. Увидев ее, моя кормилица, с трудом удерживая в горле слезы радости, сказала:

«Пушкарика, дочь моя! Смотри, вот сын нашего господина! Это тот самый, которого я безжалостно тогда бросила в лесу. Он все-таки, как видишь, вернулся сюда!» Поток радостного чувства охватил Пушкарику, и она разрыдалась. Долго она проплакала, но наконец успокоилась, и тогда мать велела ей рассказать о том, в каких обстоятельствах протекает жизнь на женской половине дворца. Та сейчас же начала:

«Царевич! (госпожа наша) Кальпасундари — дочь царя Ассамского по имени Калиндавармана. Она во всех отношениях выше своего мужа. По своей ловкости в разных искусствах и по красоте она превосходит небесных нимф. При этом у нее только один возлюбленный — муж Викатаварман, а у того, наоборот, целая масса любовниц». На это я ей сказал:

«Сходи к ней и снеси от меня духи и цветы (которые я тебе дам). Затем постарайся возбудить в ней отвращение к ее мужу, например указывая и порицая его совершенно исключительные пороки, а также и другими способами. Расскажи ей роман царицы Васавадатты и других (женщин, которые сами нашли себе достойных мужей). Заставь ее таким путем почувствовать зависть и недовольство своею судьбою. Старайся в то же время разжечь ее ревность, старательно разузнавай и сообщай ей про самые секретные любовные истории царя с другими женщинами!»

И матери ее я также дал поручение, сказав ей следующее: «И ты точно так же брось всякие другие занятия, находишься постоянно вблизи ее, на царском дворе, и сообщай каждый день мне непосредственно все, что бы там ни случилось. А дочь твоя, как я уже сказал, пусть неотлучно находится при Кальпасундари, как неотделимая от нее тень. Это необходимо для успеха нашего плана, который в таком случае может дать хороший результат». Тогда обе они принялись исполнять свое дело в точности, согласно данным мною им указаниям.

Прошло несколько дней. Приходит ко мне моя нянька и говорит: «Дорогой мой! Я достигла уже того, что она считает себя достойной сострадания. (Ей все кажется, что она нуждается в поддержке), как весенняя лиана, вьющаяся вокруг кораллового дерева. Что же мы будем делать далее?»

Тогда я взял, написал собственный свой портрет, и сказал: «Вот снеси ей это! Наверное она, рассмотрев хорошенько этот портрет, скажет: «Неужели есть на земле человек такой красоты?» Ты отвечай: «А если есть, что тогда?», — а какой она на это даст ответ, об этом ты со своей стороны извести меня».

Она сказала: «Хорошо!»; сходила во дворец, и, когда вернулась оттуда, мы удалились в уединенное местечко, где она стала мне рассказывать следующее:

«Дитя мое! Я показала твое произведение очаровательной нашей царице. Она была поражена и сказала: «Даже цветочнострелый бог любви не обладает такой красотой! Это поистине какой-то новый бог, властелин нашего мира! Удивительно! Чрезвычайно удивительно! И того я не понимаю, кто из здешних художников мог создать такой портрет. Кем же написан этот портрет?» Вот ее слова и вот какое это на нее произвело впечатление! Тогда я улыбнулась и сказала: «Царица, ты говоришь правду! Я не могу себе представить, чтобы даже сам дельфиноносный бог Амур ¹⁾ был так красив! Однако земля велика! Быть может, по воле судеб и такая красота где-нибудь да существует! И вот, если бы нашелся здесь молодой человек такой именно красоты, к тому же очень высокого происхождения и соответственно красоте одаренный хорошим нравом, научными познаниями, а также и ловкостью, то что мог бы он получить от тебя в награду за все это?» Царица отвечала: «Матушка моя дорогая! Нужно ли это говорить: мое тело, мое сердце, моя жизнь—все это слишком ничтожно и недостойно такого человека. Значит, от меня он ничего не мог бы получить. Если это не обман, то сделай милость, устрой так, чтобы я могла его увидеть и чтобы таким путем (если не я), то хоть глаза мои достигли этой цели!»

Тогда я для того, чтобы еще более укрепить в ней решение добиться свидания с тобой, сделала такой намек: «Здесь тайно проживает сын одного царя; он случайно тебя видел, когда ты, воплощенная богиня красоты, разгуливала на празднике весны с подругами в городском парке. Он сразу воспылал к тебе любовью; казалось, все стрелы Амура посыпались на него и он сделался их единственной целью. Тогда он бросился ко мне. Я же, видя, что вы оба так подходите друг к другу, что кроме вас обоих нигде нельзя найти такого совершенства красоты и такого блеска других достоинств, видя все это, я принялась стараться, и вот те букеты, те венки, те душистые помады и прочие подарки, которые я тебе приносила — все это было приготовлено лично им своими руками. И портрет свой он написал собственноручно и послал его тебе. Портрет он написал с таким выражением, чтобы ты могла видеть, как глубоко он погружен в мысль о тебе. Если ты решилась на свидание с ним и хочешь отдалиться ему, то предупреждаю тебя, что это такой человек, для которого нет ничего невозможного, так как он отличается сверхчеловеческой силой, мужеством и умом. Я сегодня же могу показать его тебе, скажи только — где?»

¹⁾ Т. е. несущий изображение дельфина, в качестве своего знамени — по индийской мифологии.

В ответ на эти мои слова она сначала несколько призадумалась, а затем промолвила:

«Мать моя! для тебя это теперь слишком большого секрета не составит, поэтому я могу сказать тебе следующее. Отец мой, царь Ассамский, любил очень царя вашего Прахаравармана, а мать моя Манавати была любимой подругой его жены Приямвады. И вот, пока еще у них не было детей, обе царицы сговорились между собою в том, что та из них, у которой родится дочь, отдаст ее за сына другой, если у той родится сын. Отец же мой совершенно случайно отдал меня за Викатавармана, когда тот стал свататься, ссылаясь на то, что сын царицы Приямвады погиб. Муж мой оказался грубым. Он ненавидел моего отца, фигура его была не особенно изящна, он ничего не понимал в нежных приемах любви, мало интересовался поэзией, театром и другими искусствами, был очень высокого мнения о своем мужестве и силе, был к тому же хвастлив, верить ему было нельзя, но щедроты его сыпались только на людей недостойных. Такой муж мне очень не по сердцу, особенно же в эти последние дни. Представь себе, что он себе позволил! Не обращая никакого внимания на присутствие вблизи моей ближайшей подруги Пушкирики, он у нас в саду стал украшать цветами голову глупой своей танцовщицы Рамаянти, которая страшно ревновала его ко мне, считая себя моей соперницей. При этом он срывал для нее цветы с деревца Чампака, того самого деревца, которое я собственноручно вырастила и любила, как родное свое дитя. Затем, у нас в саду есть искусственный холмик, и в нем грот, в котором устроено украшенное драгоценными камнями ложе. На нем он на этих днях наслаждался моей любовью, и не успела я после того удалиться, как он на том же месте стал наслаждаться любовью своей танцовщицы. Разве это муж?! Я стала презирать его и не признаю никаких по отношению к нему обязанностей. Страх перед возмездием в будущей жизни за мои грехи исчез у меня: слишком уж сильны мои страдания в этой жизни. Нет ничего для женщины более ужасного, чем чувствовать себя насильно прикованной к совместной жизни с противным мужем, особенно когда сердце этой женщины пронзено стрелами бога любви! Итак, сегодня же ты устрой мне свидание с этим молодым человеком в нашем саду, в беседке, покрытой вьющимися лианами. В своем сердце я страшно полюбила его с самого того момента, как дошла до меня весть о нем. Мне принадлежит вся эта масса драгоценностей. При помощи их я посажу его на царский трон, вместо (опротивевшего мне мужа), и буду жить с ним, любя его беспрдельно!»

Я выразила свою готовность устроить это свидание и пришла вот сюда. Теперь, о, сын царя моего, дальнейшее зависит от тебя!»

С В И Д А Н И Е.

Тогда я расспросил у нее же все подробности о том, как расположены помещения серала, в каких комнатах живет стража, а также как расположен прилегающий ко дворцу сад. (Между тем стало заходить солнце).

Отблеск его сделался кроваво-красным. Казалось, кровь выступила на его лице, потому что, забравшись сначала на гору заката, оно, скатываясь затем оттуда вниз, расшиблось до крови. Небосклон покрылся черною тьмою: казалось, густой дым поднялся из океана из-за горы заката, когда светил о как горящий уголь, погрузилось в его воды. Появился месяц, предводитель планет, — месяц, о котором идет молва, что он осквернил ложе своего учителя. И теперь он появился, очевидно, для того, чтобы быть моим наставником в деле соблазнения чужой жены. Казалось, что бог любви на пути своем к покорению всего мира поселился в моем сердце со всеми своими цветочными стрелами, и ярость его разжигалась смеющимся диском луны, которая как бы представляла собою раскрытое лотосоподобное лицо царицы Калъпасундари, впервые склонившееся надо мною в сильном стремлении взглянуть на меня. Совершив какие следует обряды, я улегся спать, но не мог заснуть и стал размышлять.

«Дело мое,—подумал я,—почти что удалось! Однако, ведь нравственный закон будет нарушен, если я вступлю в любовную связь с чужой женой. Конечно, учителя закона разрешают и это в некоторых случаях, а именно тогда, когда этим путем достигаются обе другие цели жизни—богатство и любовь. Я же совершаю это преступление против нравственности, как часть придуманного плана для освобождения из тюрьмы моих родителей. Это обстоятельство загладит мой грех. Получается даже малая толика нравственной заслуги. И это меня спасет! Но что скажут царь Раджавахана или друзья мои, когда услышат об этом?»

Пока я весь находился во власти этих дум, сон стал обнимать меня. И вот сквозь сон я вижу бога Ганешу с его слоновой головой. И он говорит мне: «Любезный друг Упахараварман! То, что ты затеял, вовсе не есть дурное дело. Ведь ты же в действительности представляешь собою часть меня, а она, эта очаровательная царица, не что иное, как небесная Ганга, привыкшая играть густыми волосами бога Шивы. Однажды, когда и я стал с нею заигрывать, ей это не понравилось, и она прокляла меня, сказав: «Сгинь! Будь человеком!» Я со своей стороны проклял ее, сказав: «Подобно тому, как здесь на небе многие тобою наслаждаются, так же точно и на земле ты станешь женщиной и будешь принадлежать многим». Тогда она взмолилась, и я ей сказал: «Сам я буду служить тебе и любить тебя всю мою жизнь; только передо мною у тебя будет еще один муж». Вообще это дело хорошее, никаких опасений питать тебе не нужно».

Проникнувшись этой мыслью и весьма довольный, я провел еще один день в сладостных мечтах, перебирая мысленно все подробности предстоящего свидания. И вот в течение еще одного дня бог любви, бестелесный, не изменял своего отношения ко мне, продолжал обсыпая одного меня всеми своими стрелами. Наступил вечер. Как вода высыхает в пруду и оставляет после себя только черный ил, так исчезло солнце на небосклоне, оставив после себя черную тьму. Одевшись, под цвет окружающего, в темную одежду, очень туго затянув пояс, с кинжалом в руке, имея при себе все необходимые принадлежности для взлома, держа в уме указания, данные

мне моею нянькой, я подошел ко рву, окружающему дворец и наполненному до краев водою. Около него лежал бамбуковый шест, еще ранее принесенный туда Пушкирикой, о чем мы с нею уговорились на дому у ее матери. Я сначала положил его поперек и прошел по нему через ров, затем приставил его к стене и взлез по нему на дворцовую ограду. Вниз я спустился по открытой, из кирпичей сложенной лестнице, которая вела из внутреннего двора на башню, расположенную над главными воротами. Очутившись внутри, я направился в сад. Сначала я миновал аллею деревцов бакула и попал на дорожку, обсаженную кустами мимоз. Я успел сделать по ней только несколько шагов, как вдали, в северном направлении, послышалось жалобное воркование двух уток. Тогда я повернул на север по аллее бигоний и прошел по ней не более, как только на расстояние выстрела из лука. Тут я мог, идя по этой аллее, нащупать рукой стены большого дворца в тех местах, где они выдавались вперед. Затем я свернул на восток по усыпанной гравием дорожке, обе стороны которой были обсажены группами из деревьев ашока и жасминов. Пройдя по ней некоторое расстояние, я повернул на юг и затем вглубь аллеи манговых деревьев. Тут я приоткрыл коробку, в которой я держал наготове зажженную лампу, и на мгновение осветил местность. Я заметил беседку, скрытую за вьющимся жасмином. Внутри ее была совершенно незаметная снаружи постель, устроенная в виде алтаря, украшенного драгоценными камнями. Выбрав одно местечко в стенках беседки, я протиснулся внутрь. Стенки беседки состояли внутри из сплошных рядов карликовых амарантов, покрытых распустившимися цветами. С одной стороны было нечто в роде завесы, которую составляли спускавшиеся до земли нежные ветви молодого ашокового дерева. Узнать ее можно было по свежим цветочным почкам, которые были воткнуты в нее и выделялись на фоне, состоявшем из густой сети нежно-розовых свежих побегов. Раздвинув эту завесу, я вошел и увидел старательно прибранную, украшенную цветами постель, рядом с ней были коробочки, сделанные из листьев лотоса, содержавшие туалетные принадлежности, употребляемые женщинами при любовных ласках, затем веер с ручкой из слоновой кости и вазу, наполненную доверху духами.

Я присел, отдохнул в течение нескольких минут и стал вдыхать чрезвычайно сильный аромат. В этот момент послышался чуть заметный легкий звук шагов. Как только я их услышал, я тотчас вышел из беседки, приготовленной, очевидно, для нашего свидания, и спрятался за ашоковое дерево, вытянувшись, как палка, и прислонившись к его стволу. Она же, чернобровая красавица, исполненная самых горячих ожиданий, тихонько подошла к беседке и, не увидав меня в ней, задрожала всем телом. Как лебедь воркует весной, порою любви, так и она пробормотала прерывистым, глубоким, страстно-приятным голосом:

«Конечно, сомнения нет, я обманута! Я не в состоянии дольше жить! О, несчастное сердце мое! Ведь само же ты решилось на это, ты приняло дурное дело за хорошее, а теперь, когда оно не удалось, зачем ты так томишься? О владыка, бог любви, пятистрелый! Чем тебя я оскорбила, за

что ты так безжалостно меня мучаешь, зачем ты меня жжешь, но не сжигаешь, не обращаешь в пепел?» Тут я показался, открыл коробку с горящим светильником и сказал:

«Не сердись, милая! Ведь ты действительно сильно оскорбила бога Амура, в мечтах рожденного! Ведь ты своею красотою поставила на второе место богиню Любви, его супругу, которой принадлежит вся его жизнь. Прелестная линия твоих бровей превосходит прелесть изогнутой линии его лука, а Черный цвет его тетивы, униженной пчелами, уступает перед темно-синим отливом твоих роскошных черных волос. Его стрелы не так действительны, как выстрелы твоих взоров, которыми ты, как дождем, обсыпаешь меня. Его красное знамя уступает розовому блеску твоих губ. Твое нежное дыхание превосходит своим ароматом его величайшего друга и пособника — весеннее веяние Малабарских лесов. Твой голос своею сладостью превосходит нежное кукование кукушки. Твои руки тоньше, чем длинная гирлянда цветов, развевающаяся на его знамени. У него имеются чудной формы священные золотые кувшины; отправляясь на покорение сердец, он пользуется ими как будущий император, совершающий богослужение перед походом на покорение всего мира. Но красота твоих выпуклых грудей превосходит чудесную форму священных его сосудов. Искусственный прудок в его саду по своей красивой округлости уступает красоте углубления на твоем животе. Округлая линия твоего сидения побивает форму колес его триумфальной колесницы. Украшенные драгоценными камнями колонны ворот его дворца уступают стройности твоих ног, а твоя ступня линией своих пальчиков превосходит линию лепестков того лотоса, который он кокетливо заткнул за свое ухо. Поэтому совершенно прав Амур-дельфиноносец, когда так тебя мучает. Но упрекать можно его за то, почему он мучает также и меня! Я же ему ничего не сделал! Сжался надо мною, красавица! Меня ужалила ядовитая змея любви. Оживи меня своим взглядом, будь для меня лекарством, дарующим жизнь!»

При этих словах я ее обнял. И стал я наслаждаться ею, она не сопротивлялась, и только прекрасные, большие глаза ее заблестали огнем любви.

Затем мы уселись, как старые хорошие знакомые, которые во всем доверяют друг другу и между которыми нет никаких секретов. Просидев некоторое время, я глубоко и продолжительно вздохнул и, со взором несколько печальным, вяло протянул к ней руки, обнял ее не особенно крепко и поцеловал не особенно отчетливо. Она расплакалась и сказала:

«Если ты меня покинешь, то считай, что и жизнь моя ушла от меня! Ты владыка жизни моей! Возьми меня с собой! Я твоя рабыня, без тебя жизнь моя потеряла всякий смысл!» При этих словах она стояла передо мной и держала сложенные вместе ладони прижатыми к голове, как своего рода украшение. Я ей отвечал:

«Дорогая моя, ты беззаботна! Конечно, я, как и всякое живое существо, в восторге от того, что женщина меня полюбила. Но этого мало. Если

ты действительно меня любишь и приняла твердое решение (принадлежать мне), то сделай безо всяких колебаний то, что я тебе скажу. Когда ты останешься наедине с царем, покажи ему ту картину, на которой я написал свой портрет, и спроси его, представляет ли этот человек идеал мужской красоты или нет? Он наверное скажет: «О, еще бы! Конечно представляет!» Тогда ты скажи ему следующее:—Если так, то послушай, что я тебе сообщу. Я знаю одну монахиню; она много скиталась по чужим странам и чему-чему только не научилась. Мне она близка, как мать. Увидав этот портрет, она мне говорит по поводу его:— «Я знаю заговор, благодаря которому и ты могла бы достигнуть такой же красоты. Для этого в день новолуния, предварительно попостившись, ты должна будешь приказать придворному духовенству совершить где-нибудь в уединенном месте жертвоприношение богу огня, по окончании которого ты, оставшись одна, без свидетелей, бросишь в огонь сто кусков сандалового дерева, сто кусков дерева алоэ, несколько горсточек камфоры и несколько кусков шелковой материи. Тогда заговор подействует, и ты приобретешь такую же красоту. И далее, если ты позвонишь в колокол и на звон его придет твой муж, и если он выдаст тебе все государственные тайны, затем закроет глаза и обнимет тебя, то красота эта передастся ему, а ты станешь опять такой же, какой была и раньше. Если ты и твой супруг пожелае, то можно будет это устроить, но нужно в точности исполнить всю эту процедуру.— Вот что мне сообщила моя старушка. Если тебя прельщает мысль быть таким красавцем, то обсуди этот вопрос совместно со своими друзьями, министрами, младшими братьями, городскими и сельскими старейшинами, и, если они одобрят, принимайся за дело».

Когда ты это скажешь, он наверное согласится. Тогда ты распорядишься, чтобы на самом этом месте, на этом перекрестке садовых дорожек, было совершено жертвоприношение согласно ритуала Атарваведы. После того, как жертвенное животное будет заколото, жертва принесена и огонь станет гаснуть, по саду расстелется дым, под покровом которого я войду в сад и спрячусь вот в самой этой беседке. Когда же станет совсем темно, скажи на ухо своему мужу Викатаварману с саркастической улыбкой: «Ты, неблагодарная дрянь! По моей милости ты достиг красоты, на которую не нарадуется твой народ, и вот ею ты собираешься услаждать моих соперниц! Не хочу я для такого результата вызывать нечистые силы и губить свою душу!» То, что он на это ответит, ты приди и тайком передай мне, а я уже буду знать, как поступить дальше. Не забудь только приказать Пушкарিকে замести мои следы по дорожкам!»

Царица выслушала мои слова с таким вниманием, как будто бы это было научное наставление, сказала «хорошо!» и нехотя, медленно пошла домой. Страсть ее далеко еще не была удовлетворена! Я же вышел из сада тою же дорогой, по которой вошел, и отправился к себе домой. Очаровательная царица сделала все, что ей было сказано. Царь оказался достаточно глупым и во всем ей поверил. По городу и по деревням распространились такие, возбуждавшие всеобщий интерес, слухи: «Гово-

рят, царь Викатаварман, благодаря чарам своей жены, делается красив, как бог! Это вздор! Какое-нибудь не слишком искусное надувательство! Не говоря уже о том, что, может быть, это и неправда! Говорят, что это дело будет сделано не кем иным, как первой женой царя, в саду, примыкающем к ее дворцу. Говорят также, что оно было предметом обсуждения совета министров, которые ведь мудры, как сам Брихаспати, учитель богов. Говорят, они одобрили весь этот план. Если это действительно совершится, то большего чуда не было от сотворения мира. После этого удивляться уже ничему нельзя. Но, и то сказать, ведь сила заговоров, талисманов и лекарств прямо-таки непостижима!»

Пока народ был занят такими разговорами, подоспел день новолуния. В глубокой ночи, когда спустилась густая тьма, из сада, прилегающего к сералю, поднялся густой столб темного, с синим отливом, дыма; казалось, то виднеется в саду синее горло волосатого бога Шива. По воздуху распространился во все стороны запах от сожигаемых в огне жертвоприношений из молока, масла, творогу, зерен сезама и белой горчицы, сала, мяса и крови. Когда жертвоприношение было окончено и распространение дыма вверх прекратилось, я проник в сад. Вышла из дому в свой сад также и царица. Своей царственной походкой, напоминающей походку величественного слона, пошла она мне навстречу. Обняв меня, она сказала:

«Молодец! Ловко ты это придумал! Можно считать, что план твой удался. Царь оказался глуп, как животное, дело его кончено! Чтобы заманить его в ловушку, я, следуя твоей мысли, сделала следующее. Я сказала ему:—Ты больно хитер! Ты ожидаешь, что я создам тебе волшебную красоту? Нет! Ведь ты, сделавшись таким красавцем, будешь нравиться даже небесным нимфам—о земных женщинах что и говорить! Ведь сердце у тебя жестокое, меня ты не пожалеешь! Такие люди, как ты, от рождения привыкли порхать, как пчелки, и садиться на любой цветок!—Не успела я это сказать, как он падает к моим ногам и говорит:—О красавица! прости мне мои проступки. Отныне у меня и в мыслях никогда не будет другой женщины, кроме тебя. Дело начато, пожалуйста доводи его скорей до конца!—Теперь я пришла к тебе, как твоя невеста, одевшись в этот свадебный наряд. Я уже до этого стала твоею женою. Перед огненным алтарем нашей любви я отдалась тебе, при чем сам бог Амур совершал обряд. Теперь снова, перед этим жертвенным огнем, мое сердце отдаст меня тебе».

С этими словами она поднялась на носки и, прижавшись ко мне, надавила своими носками на мои ступни, так что нежные пальчики ее ног переплелись с пальцами моих ног, своими тонкими руками она обвила мою шею и, как бы играя со мною, заставила меня нагнуть голову, сама же протянула вверх свое сияющее, как раскрытый лотос, лицо. Ее широко раскрытые глаза выражали прилив страсти, и она несколько раз поцеловала встретившееся с ее губами мое лицо. Но я отстранил ее, сказав:

«Довольно! Оставайся здесь, спрячься в амарантовой беседке. Мне же надо идти и довести до конца наше дело!» Сказав это, я пошел к тому месту, где горел жертвенный огонь. Рядом с ним висел на ветке ашокового дерева

звонок, и я позвонил. Раздался звук, призывавший царя, — в действительности ставший для него голосом посланца бога, смерти. Тем временем я занялся бросанием в огонь кусков сандалового дерева, кусков алоэ и проч. В этот момент царь пришел к условленному месту. Когда он меня увидал, то сначала как будто бы легкое сомнение закралось в его душу, он слегка удивился и некоторое время простоял в раздумьи.

«Повтори мне свое обещание перед этим священным огнем, — сказал я. — Если ты не используешь своей красоты для того, чтобы ухаживать за моими соперницами, то я сделаю так, что этот мой внешний вид перейдет на тебя». Услышав это, он тотчас сказал:

«Это она! Это сама царица! Это не обман!» Он явно принимал всю эту историю всерьез и потому принялся клятвенно подтверждать свое обещание. Я же усмехнулся и сказал:

«К чему эти клятвы? Ведь нет на земле женщины, которая бы меня превосходила красотой. Если же ты заведешь связь с небесными нимфами, то пожалуйста! Сколько тебе угодно! Вот расскажи мне лучше, какие у тебя есть тайные дела. Вслед затем, как только ты выдашь тайны, изменится твой внешний вид».

Он начал: «Младший брат моего отца, Прахараварман, сидит в тюрьме. В совете министров мы решили отравить его и объявить, что он умер от припадка холеры. Затем мы хотим поручить младшему моему брату Вишалаварману командование армией для завоевания страны Пундраков. Далее, узнав, что грек Канати имеет большой алмаз, цена которого равна ценности всего, что есть на земле, мы поручили городскому голове Панчалаку и купцу Паритрату достать его за самую дешевую цену. Что же касается сторонника заключенного царя, негодного старшины Анантасира, то мы решили против этого лживого и надменного начальника поднять народное волнение, во время которого и убить его. С этой целью мой сторонник, губернатор города, гражданин Шатахали, согласился, по моей просьбе, отдать приказание о передвижении войсковой охраны в другое место. Вот, вкратце, все текущие государственные тайны».

Когда я это выслушал, я со словами «вот конец твоей жизни, получи по заслугам!» разрубил его тело мечом надвое и сразу же бросил в тот же самый жертвенный огонь, который запылал так, как будто в него было брошено много масла. Скоро он превратился в пепел. Царица, как и полагается женщине, была немного расстроена всей этой сценой. Успокоив ее, сердечно любимую, я, поддерживая ее за тонкую ее руку, вошел с нею во дворец. С ее разрешения я созвал все население серала и сразу надавал им всяких поручений. Затем, полюбезничав некоторое время с удивленными придворными дамами, я отпустил их всех. Оставшись наедине с царицей, я положил ее на постель и стал доставлять ей все наслаждения любви, сжимая ее до боли в своих объятиях. Вся ночь прошла у нас в этих наслаждениях, и она показалась нам очень короткой. Прерывая объятия болтовней, я узнал от нее про все придворные порядки. Рано утром я

встал, выкупался и совершил все утренние обряды. Затем я созвал совет министров и обратился к нему с такою речью: «Господа! Вместе с моею внешностью изменился и мой нрав. Отца моего, которого мы было решили отравить, я хочу освободить и вновь вручить ему бразды правления в этом царстве нашем. Мы будем его во всем слушаться, как отца; ибо нет греха более тягостного, чем убийство родного отца. Затем, призвав брата своего Вишалавармана, я сказал ему: «Дорогой брат! В настоящее время в стране пундров голодовка. Под влиянием страданий и отчаяния они не будут дорожить жизнью и яростно полезут на нашу страну, в которой много хлеба. Поэтому для нападения мы изберем такое время, когда у нас погибнут посевы или погибнет урожай. Теперь для похода момент неблагоприятный». Пригласив затем обоих представителей городской администрации, я сказал им: «Не хочу я приобретать ценную вещь за ничтожную плату, я хочу охранять законность. Купите ее за то, что она действительно стоит». Затем я пригласил губернатора Шатахали и сказал ему: «Мы хотели погубить Анантасира за то, что он был сторонником царя Прахара-вармана—моего отца; теперь же, когда отец восстановлен на троне, нет никакого основания, чтобы делать это. Поэтому ты оставь его в покое». Все эти лица, услышав эти распоряжения, сочли их за доказательства тождества моего с прежним царем. Расходясь, они убеждено повторяли: «Это именно он!» и принимались восхвалять меня и царицу, и громко превозносили чудодейственную силу заговоров. Моих родителей они извели из тюрьмы и посадили их снова на царство. Я же велел все той же старушке, бывшей кормилице моей, рассказать родителям наедине все то, что мною было совершено для их освобождения. Они были вне себя от радости. Я остался жить при них и по их распоряжению получил звание «наследника престола».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Хотя лично я вполне был удовлетворен, однако все преимущества нового положения были для меня испорчены горем—от разлуки с тобой, мой царь! Когда же я из письма Синхавармана, который был другом отца моего, узнал к тому же, что Чандаварман осадил Чампу, я вспомнил правило: «два дела исполняй во всяком случае: уничтожай врагов и помогай друзьям!» С этой целью я снарядил большое и легко маневрирующее войско и отправился с ним в поход против Чандавармана.

И вот таким образом я достиг того, что испытываю громадную радость на великом для меня празднестве непосредственного лицецерения царственного величия твоих стоп.

Выслушав рассказ этот, царь Раджавахана сказал: «Посмотрите на этого прелюбодея, который хитростью завладел чужою тенью! Так как он избавил своих родителей от страданий в тюрьме, так как средством для этого послужило уничтожение злого врага и так как это повело к достижению царской власти, то он сразу достиг и больших благ мате-

риальных, и больших заслуг нравственных! Что с умом сделано, то всегда будет хорошо!»

Затем, бросив в лицо Артапалу глубокий, продолжительный взгляд, он сказал: «Рассказывай свои приключения!» Тот сложил вместе ладони рук, поклонился и начал.

Глава четвертая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АРТАПАЛА.

О царь! цель у меня была та же, что и у этих друзей моих. Я странствовал по всей земле великой вплоть до волнующегося океана. И вот, прихожу я однажды в известный священный город Каши, иначе Бенарес. Я начал с того, что посетил Маникарнику, место священных омовений, и выкупался там в чистой, как кристалл, воде реки Ганги. Затем пошел в храм Авимуктешвор и усердно молился там богу Шиве, сокрушителю демона Андака. Выйдя из храма, я стал совершать обход слева направо вокруг него, и тут, во время обхода, заметил какого-то человека, очень большого роста, с толстыми, как железные брусья, руками. Он рыдал безостановочно, глаза его распухли и покраснели, а руки были заняты устройством петли из пояса. Очевидно, он хотел покончить с собой. И мне пришли в голову такие мысли: «Крепкий человек этот, видать, сильно страдает. Горе, как дождь, брызжет из его потухших глаз. То, что он собирается сделать, указывает на отчаянное решение. Жизнь ему, по-видимому, опротивела, причина же, наверное, та, что какое-нибудь большое несчастье постигло его близкого друга. И это может кончиться чем-нибудь недобрым! Попробую-ка я расспросить его. Быть может, представится случай поближе с ним сойтись и оказать ему помощь!» Тогда я спросил его:

«Любезный друг! то, что ты тут делаешь, дает мне повод подумать, что ты в отчаянии и хочешь покончить с собой. Если это не тайна, расскажи мне, я хотел бы знать о причине твоих страданий».

Он заметил, что я отношусь к нему с сочувствием, и потому сказал: «Беды от этого не будет! Я расскажу, слушай!» Тогда мы отошли в сторону, уселись под олеандровым деревом, и он начал свой рассказ.

РАССКАЗ ПУРНАБАДРА.

Уважаемый господин! Меня зовут Пурнабадр, я сын уважаемого гражданина, но дома я жил недолго и скитался по востоку, и жил, где вздумается. Хотя отец и дал мне хорошее воспитание, однако, повинувшись капризу судьбы своей, я стал добывать себе средства путем воровства. Раз как-то, здесь, в Бенаресе, я обокрал одного богатого купца, был затем пойман с краденными вещами, взят под стражу и посажен в тюрьму. Мне предстояла смертная казнь. Первый министр Камапал, распоряжа-

вший казнь, приказал выпустить на меня злого, разъяренного дикого слона, который имел кличку «Смерть-Победа». Сам он наблюдал за казнью со стен кремля, расположившись в башне под главными воротами. Увидев меня, слон свернул свой толстый хобот в кольцо, затрубил в него, и рев его был подхвачен присутствовавшей толпой народа, клики которого удваивали шум. Слон бросился на меня, но я не испугался. Как только он со мною поравнялся, я закричал на него, а когда он стал поворачивать голову, чтобы нанести мне боковой удар клыком, я отскочил в противоположную сторону, очутился между его клыками, как бы между двумя деревянными брусками, и яростно хватил его обеими своими крепкими руками в голову, пониже висков. Тогда он оторопел и повернул обратно. Не ожидавший этого погонщик заволновался, стал нещадно ругаться и, изо всех сил бить его дротиком и ногами по голове. Наконец ему удалось снова повернуть его на меня. Я же закричал на него с удвоенною яростью, и, когда я опять таким же образом его ударил, он повернулся и стал удирать. Тогда я побежал быстро вслед и начал издеваться над погонщиком. Он же, в свою очередь рассерженный, закричал на слона: «Дрянь ты этакая! Пропавшая скотина! Куда бежишь!» При этом он снова и снова вбивал в голову слона острый дротик. Наконец у самого выхода с площади ему кое-как удалось остановить животное и повернуть его на меня. Тогда я закричал: «Уберите этого никуда не годного слона, приведите другого, лучшего, с которым я бы мог некоторое время помериться силами, и затем подвергнуться участи, мне судьбою уготованной!» Но как только слон увидел меня, рассвирепевшего, и услышал мои громкие проклятия, он перестал повиноваться самым свирепым понуждениям погонщика и окончательно убежал.

Тогда министр призвал меня к себе и сказал: «Молодец! Ведь этот слон, прозванный «Смерть-Победа», был воплощением бога смерти, убийство было его любимой забавой. А ты вот как его обработал! Послушай меня, брось свое грязное ремесло. Разве ты не способен, устроившись при мне, вести порядочный образ жизни?— «Как прикажешь», — отвечал я почтительно, и с этих пор он стал обращаться со мной, как с другом. Когда же он проникся полным ко мне доверием, я однажды стал расспрашивать его о прежней его жизни, и он рассказал мне следующее:

РАССКАЗ МИНИСТРА КАМАПАЛА О СВОЕЙ ЖИЗНИ.

В городе Паталипутре у царя Рипунджая был некогда министр, славившийся своим умом и ученостью, по имени Дармапал. Не уступал отцу в уме и достоинствах сын его Сумитр, которому я прихожусь младшим братом от другой матери. Наклонности у нас были не одинаковы. Я предавался веселому образу жизни в обществе продажных женщин, а он предпочитал нравственную, добропорядочную жизнь и старался удержать в ней также и меня. Но я оказался неисправим. В конце концов я покинул родительский дом и стал скитаться по белу-свету, пока слу-

чайню не очутился в Бенаресе и не влюбился в дочь тамошнего царя Чандасянха, по имени Кантимати, увидав ее на прогулке, когда она, выйдя из дворца, чтобы помолиться богу Шиве, задержалась в саду, прилежавшем к женской половине, и играла там в мяч со своими подругами. Кончилось тем, что между нами установилась связь, я стал тайком бывать в серале, и она забеременела. У нее родился сынишка. Боясь огласки, придворные скрыли его в саду, в искусственном гроте, выдав его приближенным за мертворожденного. Затем одна из служанок ночью снесла его на кладбище и там бросила. Когда она возвращалась домой в глухую полночь, то была на главной улице схвачена ночью стражею и подвергнута допросу со всякими угрозами. Испугавшись строгости наказания, она выдала всю тайну. По ее указанию я был найден спокойно спящим в саду в искусственном гроте. По приказанию царя я был тут же связан первыми попавшимися веревками и сведен на кладбище для казни. Уже палач, презренный парий, занес надо мною свой меч, и я был бы казнен, если бы судьба не решила иначе. Веревки, связывавшие меня в этот самый момент, сдали под моим усилием, я высвободился, выхватил меч из рук палача и убил его тут же, а также еще и несколько других людей из числа присутствовавших, и поспешил скрыться. Не имея никакого пристанища, я бродил по лесам, и вот однажды передо мной в лесу предстала божественная дева, вся в слезах, окруженная свитой. Она сложила вместе нежные свои ладони, поднесла их ко лбу и поклонилась мне, при чем выющиеся ее волосы откинулись вперед и, колыхаясь, окружили ее прелестное лицо. Мы уселись рядом, в прохладном месте, под тенью большой лесной смоковницы:

«Кто ты, дорогая? Откуда ты явилась? По какой причине ты так ласково обратила на меня свое внимание?» Так я промолвил с глубоким чувством. От нее же в ответ полился медовый дождь сладостных речей.

РАССКАЗ ФЕИ ТАРАВАЛИ.

О благородный! Я дочь Манибадра, предводителя гениев, населяющих Гималай, мое имя Таравали. Однажды я возвращалась (домой на Гималай) из Малабара, куда я ходила на паломничество к Лопамудре, супруге святого мудреца Агастья. Пролетая мимо Бенареса, я увидела рыдающего младенца, лежавшего на кладбище. Я взяла его с собой, страшно полюбила и принесла его к родителям моим, а отец мой отнес его к Кувере, божественному владыке нашего города Алаки. Тогда этот друг бога Шивы призвал меня и сказал:

«Что же ты думаешь делать с этим ребенком, о дочь моя?» Я почти ответила:

«Люблю его я, как родное свое дитя». На это он промолвил:

«А ведь правду говорит она, страдалца, что это родное ее дитя».

И по поводу ребенка этого он начал рассказывать весьма длинную историю о наших прежних перерождениях, из которой я поняла только то, что, во первых, ты в прежних перерождениях был Шаунаком, Шуй-

драком и Камапалом. Кантимата же, твоя возлюбленная, была раньше Бандумати и Винаявати. Точно так же Ведимати, Арьядаси, и Сомадэви представляют собою одно и то же лицо в разных перерождениях. Хансавали, Шурасена и Сулочана также не отличаются друг от друга. Равным образом между Нандини, Рангапатикой и Индрасеной нет никакой разницы. Оказалось из его рассказа, что та пастушка, на которой ты женился тогда, когда ты жил на земле во образе Шаднака, в последующем перерождении носила имя Арьядаси, а теперь я сама, Таравали, представляю собой ее перерождение. Оказалось далее, что когда ты был в образе Шудрана, а я во образе Арьядаси была твоею женою, то у нас родился мальчик, которого с любовью воспитала Винаявати. Перерождение этого мальчика и представляет собою вот этот ребенок, которого я сюда принесла. Теперь он родился от царевны Кантимати. И вот таким образом, хотя он неоднократно побывал уже в пасти у бога смерти, однако по воле судьбы он оказался подобраным мною. По приказанию бога Кувери я передала его царице Васумати, жене проживавшего в лесу в изгнании царя Раджаханса, чтобы он со временем стал служить при его сыне Раджавахане, будущем всемирном императоре. Затем, когда ты по воле судьбы оказался брошенным в пасть смерти, я с соизволения своих родителей пришла к тебе, чтобы служить у лотосоподобных ног твоих.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА МИНИСТРА ДАРМАПАЛА.

Выслушав этот рассказ, я со слезами радости на глазах обнял несколько раз фею Таравали, бывшую, как оказалось, неоднократно моей женой в разных перерождениях и под различными именами. Когда мы успокоились, по ее волшебной силе появился перед нами большой дворец, в нем мы день и ночь переживали небесные, на земле никем не виданные наслаждения. Спустя два, три дня я сказал моей очаровательной фее:

«Я желал бы хорошенько отплатить царю Синхаварману, который хотел лишить меня жизни, я хотел бы испытать сладость мщения за его козни!»

Она же с улыбкой ответила:

«Пойдем, милый мой, я сведу тебя на свидание с Кантимати». Когда наступила полночь, она свела меня в спальню царя. У его изголовья лежал большой меч, я схватил его, затем разбудил царя и, когда тот задрожал всем телом, сказал ему:

«Я твой зять! Помимо твоего согласия я вступил в связь с твоей дочерью,—я пришел, чтобы послушанием и службой загладить эту обиду» Он же, вне себя от перепуга, поклонился мне и проговорил:

«Не ты меня, а я тебя обидел, по глупости моей. Ты сделал мне честь полюбить мою дочь, а я, как безумец, одержимый демоном, вышел из себя и, перейдя всякую меру, приказал тебя казнить. Но забудем это! Пусть с сегодняшнего дня дочь моя Кантимати, все мое царство и я сам будем принадлежать тебе!»

На следующий день он созвал народное собрание и в присутствии его торжественно отдал мне руку дочери своей. Таравали же рассказала ей о судьбе ее ребенка, а ее подругам — Сомадеви, Сулочан и Индрасен — рассказала историю их прежней жизни, в минувших перерождениях. Я же, хотя и получил звание министра, однако в действительности исполнял функции наследника престола, а (семейная жизнь моя) мирно протекала в обществе прелестных жен моих.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ПУРНАБАДРА.

Итак, этот министр был верным другом даже к таким простым людям, как я. Казалось, он был единственный в своем роде родственник, которому родней приходится всякое живое существо. Когда умер от чахотки царь, его тесть, то престол должен был перейти к старшему брату его жены, по имени Чандагошу. Но того уже не было в живых, так как он умер еще раньше от истощения, будучи чересчур привязан к женщинам. Тогда министр этот поступил вполне честно, посадив на трон его сына, которому едва минуло пять лет, и дав ему соответствующее воспитание. Теперь он стал совершеннолетним и приблизил к себе в качестве министров нескольких молодых, много о себе думающих, лживых, дурных советчиков. Они стали ему наговаривать на Дармапала, который оставался первым министром. «Он безразравственный человек, — говорили они, — обольстил и взял твою сестру насильно. Он поднял меч на царя, когда тот спокойно спал. В момент пробуждения, под влиянием испуга, царь согласился на брак и отдал ему свою дочь. Чандагоша, старшего в царской семье, он отравил. Тебя же он щадил до сих пор, полагая, что ты, как малолетний, не можешь ему мешать. Этим путем он также поддерживал доверие народа к себе. И как бы ты хорошо к нему ни относился, он, неблагодарный, погубит и тебя. Постарайся поскорее убрать его на тот свет!»

Эти нашествия создали рознь между царем и его первым министром, но, опасаясь влияния волшебной феи Таравали, царь не мог решиться покончить с ним. И вот, в эти самые дни первая из жен молодого царя, по имени Сулакшана, заметила какое-то изменение в выражении лица Кантимати. Тогда она ласково спросила ее:

«Царица, меня не обманешь разными отговорками! Скажи правду. Почему в эти дни на твоём лотосоподобном лице замечается выражение, которого раньше не было?» Она отвечала:

«Дорогая, разве ты можешь припомнить, чтобы я когда-нибудь до сего дня говорила тебе неправду? Дело вот в чем: моя подруга и вторая жена моего мужа, фея Таравали по какому-то поводу осталась им недовольна. Он принялся ее утешать наедине, и вот, при этом совершенно случайно, по ошибке назвал ее моим именем. Этого было достаточно, ею овладела ревность, и, несмотря на всю любовь к ней мужа и на его упрасивания, она нас покинула. Мой муж в отчаянии. Отсюда мое дурное настроение». Сулакшана в общих чертах рассказала это мужу своему по секрету.

Тогда тот, перестав бояться влияния волшебной феи, велел заранее подговоренным людям схватить его.

В этот день он пришел во дворец, весь бледный от разлуки с любимой феей, с глазами, наполненными мужественно удерживаемыми слезами. Хриплый голос, глухо вырывавшийся из засохшего от горячих вздохов горла, показывал, как он страдал, тем не менее, хотя и с трудом, он принуждал себя заниматься текущими государственными делами. Он был посажен в тюрьму. Было решено повсеместно оповестить о его преступлениях и в наказание за них вырвать у него глаза так, чтобы от мучений затем последовала смерть. Вот поэтому-то, выплакавшись в волю и не желая пережить министра-праведника, я przygotowляю себе петлю.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА АРТАПАЛА.

Узнав таким образом о несчастьи отца моего, я расплакался и сказал:

«Друг мой, зачем от тебя скрываться! Тот самый мальчик, которого добрая фея Тарава ли подобрала и передала на руки царице Васумати для воспитания из него будущего слуги царю Раджавахану, этот мальчик — я! Чтобы освободить отца, я был бы в состоянии уничтожить целую тысячу хорошо вооруженных солдат. Но дело в том, что во время суматохи, пока я до него доберусь, кто-нибудь может вонзить в него кинжал, и все мое предприятие не будет иметь смысла. Так масло, брошенное не в огонь, а на пепел, не даст никогда пламени».

Не успел я произнести эти слова, как большая очковая змея подняла свою голову из щели в стене, окружавшей храм. Усыпив ее с помощью волшебных средств, я взял ее в руки и сказал Пурнабадру:

«Дорогой мой, вот то, что нам нужно! Когда приведут отца на казнь, я, никем не замеченный, буду присутствовать в толпе и выпущу на него эту змею, которая как будто случайно его ужалит. Действие же яда я остановлю, так что все сочтут отца мертвым и оставят его в покое. Не бойся ничего, ступай к моей матери и сообщи ей о моем плане. Скажи ей так: «Ваш сын был подобран доброй феей и передан в руки царицы Васумати. Теперь он здесь и, узнав от меня о судьбе отца своего, он, для спокойствия его, придумал вот такой-то план. Не бойся ничего, а пошли доложить царю следующее: «Таков, говорят, закон воинской чести, что следует одинаково бороться с врагом, независимо от того, приходится ли он родственником или нет. Но закон женской верности заставляет жену следовать судьбе мужа, независимо от того, был ли он хороший или дурной муж. В силу этого закона, я должна одновременно с его телом подняться на погребальный костер и погибнуть в огне. Разреши мне исполнить последнее мое желание, последний мой долг!» В ответ на это царь наверное даст разрешение. Тогда ты возьмешь тело отца к себе домой и положишь его на ложе, устроенное из священной травы «дарба» в укромном месте за занавеской, а сама будешь находиться там же, одевшись в траурное одеяние. Я же пройду через задний двор, и тыпустишь меня, после

чего я верну отца к жизни, а в дальнейшем мы поступим так, как он посоветует».

На это Пурнабадр ответил: «Хорошо!» и поспешно удалился.

На главной городской площади около того места, откуда провозглашались указы правительства, росло большое тамариндовое дерево с громадными и частыми ветвями. В день, назначенный для казни, я взобрался на него и притаился в его ветвях. Народ, собиравшийся посмотреть на казнь, также устраивался кто куда мог повыше. Слышались всякие разговоры. Но вот привели моего отца с руками, связанными назад, как у вора. За ним следовала с громкими кликами большая толпа народа. Его поставили как раз недалеко от меня, и палач троекратно провозгласил смертный приговор:

«Этот министр Камапал стремился завладеть престолом и предательски отравил царя Чандасинха и его наследника Чандагоша. Затем, когда царь Синхагош достиг совершеннолетия, он вознамерился извести также и его. Вполне доверяя министру Шиванагу, он пригласил его в тайное место, где в его присутствии подговаривал двух лиц, Стуна и Ангараваарша, убить царя. Однако те были ему преданы и выдали тайну. Посему этот брамин, стремившийся стать царем, должен по закону быть лишен зрения. Для приведения приговора в исполнение преступник приведен сюда, и ему будут вырваны глаза. Если бы нашелся еще и другой такой же злоумышленник, то царь равным образом наложит на него соответствующее наказание».

По выслушании этого приговора толпа зашумела, я же воспользовался моментом и бросил на отца моего змею, которая при этом широко распустила свою голову. Я сделал вид, что перепугался, и сполз с дерева, затем незаметно применил средство, сохранявшее жизнь отцу от укуса расвирепевшей змеи, и сразу остановил распространение яда. Но он упал на землю, на вид совершенно мертвый. Я проговорил: «Правду говорят, что именно божеское наказание постигает того, кто посягает на царя. Ведь вот царь хотел его лишить зрения, а судьба лишила его самой жизни!» Некоторые из присутствовавших одобрили мое замечание, другие же запротестовали. А змея тем временем ужалила палача; народ перепугался и стал разбегаться, она воспользовалась свободной дорогой и уползла.

Пурнабадр объяснил моей матери смысл всего происшедшего, вследствие чего она, несмотря на такое несчастье, не очень перепугалась. Сопровождаемая немногочисленными служанками, она пешком смело подошла к месту казни и, положив голову отца себе на колени, села и обратилась к царю с такими словами:

«Это мой муж! Злоумышлял ли он против тебя или нет, знает только судьба. Я об этом не забочусь. Какое мне дело! Но я опозорила бы весь твой род, если бы не последовала судьбе того, кому перед алтарем я была отдана. Поэтому прошу тебя, разреши мне вместе с моим мужем взойти на могильный костер!» Выслушав эти слова, царь смиростивился и приказал:

«Пусть свершится обряд, свойственный нашему роду, и пусть будет отдан последний долг мужу сестры моей и совершены по нем поминки!»

Тем временен палач скончался. Все усилия знахарей заговорить действие яда оказались тщетными, вследствие (тайного) противодействия моих чар. Видя это, царь подумал, что ведь Камал был укушен тою же змеей, и, убежденный в том, что он также окончательно мертв, пожелал сделать жест великодушия и разрешил перевезти тело отца домой. Мы перевезли его к себе и положили в скрытом месте на ложе священной травы. Мать моя надела предсмертный наряд, трогательно попрощалась с подругами, несколько раз помолилась богам-хранителям дома своего, старалась удержать слуганок от рыданий и наконец вошла одна в ту комнату, где лежало тело моего отца. Пурнабадр свел меня туда же еще до того, и я, исполняя роль птицы Гаруда, врага змей, уничтожил действие яда, так что мать моя увидела своего мужа уже выздоровевшим. Она была в высшей степени обрадована, слезы радости хлынули из ее глаз и покрыли все лицо ее. Сначала она поклонилась в ноги мужу, а затем снова и снова принималась обнимать меня, прижимая меня к своей груди, из которой показались капли молока; наконец голосом, прерывавшимся от волнения и слез, она проговорила:

«Сын мой, я недоумеваю, за что ты меня так любишь? Я виновата перед тобой, я бросила тебя ребенком, как только ты родился, я не пожалела тебя! Но, с другой стороны, я понимаю тебя, твой поступок имеет другое значение: ты вырвал из рук смерти отца своего, а он решительно ничем перед тобой не виноват! Конечно, это было жестоко со стороны феи Таравали, что, узнав от бога Куверы, кто ты, она не принесла тебя ко мне, а передала царице Васумати. Однако и этот поступок можно объяснить иначе, можно оправдать его: ведь испивать слухом своим амброзию твоего младенческого лепета я, при незначительных своих заслугах, была недостойна; у меня не было таких прав на это счастье, как у царицы Васумати. Приди, обними меня!»

При этих словах она несколько раз поцеловала меня в голову, посадила к себе на колени, брала Таравали, обнимала, орошала меня своими слезами, все ее красивое тело дрожало от волнения, и она на некоторое время стала совсем не своя. Но и отец мой волновался не менее: после того, как он получил спасение от такой страшной опасности таким удивительным путем, ему казалось, что он из преисподней попал прямо на небо. Пурнабадр подробно рассказал ему, как все произошло, и он считал себя счастливец бога Индри. Кое что рассказал и я о себе, а затем обратился ко все еще удивлявшимся и обрадованным родителям моим с такими словами:

«Скажите мне вот что: какой будет наш дальнейший план действий?» Отец на это отвечал:

«Дорогой мой! этот мой дом окружен очень толстой стеной, и в нем имеется неистощимый запас оружия. Это верное убежище, которое не может быть взято с налету. В стране имеется очень много владельцев, которым я в свое время оказывал услуги. Большинство среди населения также не одобряло несправедливости, которой я подвергся. В таком же настроении

находятся многие тысячи солдат, их друзья, дети и жены. Поэтому лучше будет пробыть здесь несколько дней и в это время возбуждать недовольство как среди приближенных царя, так и среди прочего населения. Недовольные станут на нашу сторону, мы их воодушевим, подыдем против него и тех, кто естественно, по политическим обстоятельствам, не может быть нам другом, а также и наследственных его врагов, в конце концов покончим с ним, как бы это ни было трудно».

«Правильно! — сказал я. — Пусть так и будет». Я вполне одобрил план отца.

Таким образом мы образовали в городе враждебный лагерь. Как только известие об этом дошло до царя, он стал жалеть, что отец остался в живых. Несколько дней под ряд он посылал на нас войско для нападения на наш дом, но мы всякий раз уничтожали нападавших. В это время я из разговора с Пурнабадром узнал, где расположена спальня царя. Я тотчас же принялся прокапывать заступом подземный ход, начав от стены в углу нашего дома. Подземный ход привел меня в какую-то горницу, столь прелестную, как будто она была небом, спустившимся под землю. Она была наполнена молодыми девушками. Как только они меня заметили, они страшно перепугались. Среди них стояла одна, грациозная, как серп молодой луны, которая своей красотой, казалось, была в состоянии осветить тьму всей преисподней. Казалось, то была богиня земли, принявшая человеческий образ, или супруга бога Шивы, спустившаяся под землю для борьбы с демонами, или супруга бога Амуре, цветочнострелого, спустившаяся в ад, или же, наконец, богиня Власти Царской, которой надоело видеть столько неудачных царей на земле, почему она и спустилась под землю. Подобно статуэтке из чистейшего золота она блистала чистой своею прелестью и вздрогнула, заметив меня, как нежная лиана, вьющаяся вокруг сандалового дерева, начинает дрожать от дуновения южного ветра. Когда таким образом все это женское царство перепугалось, одна худощавая старуха с седыми волосами, похожая на тонкий тростник с серым цветком на верху, подошла ко мне, бросилась мне в ноги и проговорила дрожащим, испуганным голосом:

«Будь милостив, даруй безопасность этим женщинам, которым некуда более обратиться за защитой, как только к тебе. Ты не молодой ли бог войны, который, преследуя демонов, стремится проникнуть в ад, чтобы и там с ними сразиться. Скажи же, кто ты, зачем пришел сюда?» Я отвечал:

«Не бойтесь, мои красавицы! Мое имя Артапал, я сын благородного брамина Камапала от царицы Кантимати. Цель моя в том состоит, чтобы из своего дома по подземному ходу пробраться в царский дворец; и вот, на пути я встретился здесь с вами. А теперь расскажите все мне, кто вы такие, как случилось, что вы здесь живете?» Тогда старуха подняла вверх руки со сложенными вместе ладонями и сказала:

«О, сын повелителя нашего! Мы счастливы, что этими нашими глазами мы видим тебя невредимым! Слушай же! От деда твоего, со стороны матери, по имени Чандасинха и царицы Лилавати родились двое детей, сын Чандагош и дочь Кантимати. Чандагош был наследником

престола, он слишком любил женщин и потому рано умер от чахотки, оставив свою жену Ачаравати беременной. От нее-то и родилась эта вот девушка, по имени Маникарника. Ее мать заболела после родов и отправилась на тот свет, туда, где уже находился ее муж. Тогда царь Чандасинх призвал меня и сделал такие секретные распоряжения: «Вот что Ридимати! Что касается этого ребенка, то признаки у него самые счастливые. Его я предназначаю в жены Дарпасару, царю Малавийскому, и хочу дать ей надлежащее воспитание. Но после того, что случилось с Кантамати, я боюсь выставлять молодых девушек напоказ. Поэтому я поручаю тебе воспитать эту девочку в подземном помещении, которое я первоначально велел вырыть для заключения туда врагов моих. Внутри насыпного холма там устроены разные комнаты, а также есть и смена. Там ты при содействии многочисленной свиты займись ее воспитанием. Всяких припасов для вас там хватит на сто лет с лишним». Сказав это, он провел нас через собственную свою спальню, в стене, обращенной во двор, он открыл потайную дверь шириною в один локоть и таким путем провел нас в это помещение. И вот, прошло уже двенадцать лет что мы здесь живем. Девочка эта уже стала взрослою девицей. Но пока что, царь о нас не вспоминает. Правда, что еще дед предназначал ее в жены царю Дарпасару. Но мать твоя Кантимати выиграла ее еще в утробе матери, как ставку при игре в кости, для тебя в жены, и ее собственная мать также предназначала ее именно тебе. А что из этого следует, ты, молодой человек, решай сам». На это я сказал:

«Сегодня как раз у меня есть дело во дворце. Устроив его, я вернусь и займусь вами как следует».

Она осветила мне лампой тот самый подземный ход (по которому была когда-то сюда приведена), я прошел, и в самую полночь, открыв к себе потайную дверь, вошел в спальню царя. Синхагош спал безмятежно, и я схватил его живьем. Подобно тому, как птица гаруда летит держа в когтях извивающуюся змею, так и я повлек дрожавшего царя через то же самое отверстие в стене. Сначала я привел его в то женское собрание, а затем к себе в дом, где я показал его своим родителям, закованного в ножные кандалы, в грязной одежде, с глазами, покрасневшими от непрерывных рыданий. Я рассказал им также историю со встречами в подземной горнице. Родители мои, с большим удовольствием насмотревшись на своего врага, попавшего в такое положение, велели посадить его в тюрьму, а затем в надлежащем порядке устроили мою свадьбу с молодой девушкой. Так как государство таким образом оказалось без правителя, то ко мне перешла вся царская власть. Мать моя, сестра свергнутого Синхагоша, хотела было выпустить его на свободу, но я боялся, что он, очутившись на свободе, может поднять народное восстание, и потому я не выпустил его.

Таково было наше положение, когда мы узнали о нападении врагов на Синхавармана, царя Бенгальского. Так как он всегда был тебе, о царь, предан и содействовал тебе в делах твоих, то я поспешил ему на помощь. Здесь мне выпало на долю счастье (встретить тебя) и прикос-

нуться к пыли от лотосоподобных ног твоих. Пусть же теперь и злодей Синхагош искупит свои грехи и усердной тебе службой загладит все свои преступления».

Окончив таким образом свою повесть, Артапал приложил ко лбу свои руки со сложенными ладонями и поклонился царю. Царь Раджавана отвечал: «Много тобою проявлено геройства и много находчивости! Что же касается тестя твоего, то освободи его от оков, и пусть он придет взглянуть на меня!» Сказав это, он с ласковою улыбкой посмотрел на Прамати и сказал: «Теперь твой черед, расскажи нам твои приключения!»

Глава пятая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРАМАТИ.

Он встал, поклонился и начал свой рассказ.

«Царь! Разыскивая тебя, я блуждал по белу-свету, и вот однажды на пути в лесу, в горах Виндья, мне пришлось остановиться под громадным деревом, выросшим на склоне горы и своей вершиной, казалось, касающимся небес. Передо мною было небольшое озеро, а за ним красное зарево заходящего солнца. Смотри на освещенную поверхность озера, мне казалось, что то было лицо богини Запада, украшенное сверху красной полосой заходящего солнца и обрамленное гирляндами из молодых розовых ветвей. Я почерпнул воды и помолился вечерней заре. Спустилась тьма и покровом своим сравняла все горы и долины. Не будучи в состоянии продолжать свой путь, я захотел прилечь и с этой целью устроил себе на земле под деревом ложе из молодых свежих веточек. Подняв ко лбу сложенные вместе ладони, я стал молиться: «Божество, которое живет в этом дереве, да будет моим хранителем, пока я тут буду спать один в этом страшном большом лесу, в котором блуждают толпы хищных зверей, в этом лесу, который напоминает глубокую пропасть, до краев наполненную массой ночной мглы, черно-синего — как горло бога Шивы — цвета».

Подложив левую руку под голову, я лежал. Вдруг я почувствовал какое-то приятное ощущение по всему телу, как бы от какого-то неземного прикосновения, всеми своими чувствами я испытывал наслаждение, и в душе поселился восторг, радостная дрожь особенно как-то сильно пробежала у меня по коже, а лежавшая наверху правая рука шевельнулась. «Что случилось?» — подумал я. С трудом, едва-едва раскрывая глаза, я увидел под собою завесу из белого шелка, которая сначала показалась мне куском чистого лунного света. Посмотрев затем налево, я увидел у белой стены на цветных постелях ряд безмятежно спавших молодых женщин. Я повернул глаза направо и увидел такую картину: на белой постели, состоявшей как бы из собравшейся пены молочного океана, лежала молодая женщина неопишущей красоты. Шелковая рубашечка спала с ее груди, и она представилась мне, как сама земля в то время, когда божественный Вишну в образе перво-

родного Вепря извлекал ее на своих белых клыках из глубины молочного океана. Спавшая с ее плеч верхняя одежда из белой кисеи представляла кругом нее как бы волнистую белую поверхность молочного океана. На ней она лежала, оцепенев от внезапного испуга, неподвижно, как земля, поднятая из океана, лежала на сверкающих своей белизной клыках божественного Вепря. Как ветерок в лесу колышет молодые розовые побеги и разносит аромат лотосов, так розовый блеск ее губ колебался вместе с ее нежным, душистым дыханием. Ветерок ее дыхания, казалось, раздувал ту искру любви, в которую превратился бестелесный бог Амур после того, как безжалостный Шива, бог аскетов, сжег огнем своих глаз все его тело. Как черная пчела бывает скрыта в сомкнувшемся на ночь белом цветке лотоса, так и белое лицо ее с сомкнутыми во сне, продолговатыми, как лепесток лотоса, глазами скрывало под своею белизною пару черных глаз. Казалось, то была упавшая с неба драгоценная ветвь райского дерева, казалось, что Айравата, гордый слон бога Индры, на котором он разъезжает в своем райском саду, дерзко сорвал и бросил ее на землю.

И я подумал: «Куда девался дремучий лес? Откуда этот дворец, вершинами касающийся небесного свода, превосходящий высотой знамя, развевающееся на верхней террасе дворца воинственного бога Кумары? Куда девалось ложе мое, устроенное на земле в лесу из свежих древесных побегов, и откуда взялась эта постель из тонкой материи лебяжьего пуха, белая и блестящая, как будто она вся состояла из лунного света? Откуда взялись эти безмятежно спящие молодые девушки, похожие на небесных нимф, неподвижно лежащие как бы в сетках, сплетенных из прохладных лучей лунного света? И кто эта красавица, которая, как богиня, с тонкими лотосоподобными руками лежит на постели, покрытой сверху кисеей такой белизны, как бы свет полной луны осеннею порой? Она не богиня, так как она спит. При лунном свете она смыкает очи, подобно тому как лотос свертывает свои лепестки при легчайшем прикосновении к нему света луны. На поверхности ее щеки виднеются полоски из пробивающегося наружу пота, она напоминает поверхность пожелтевшего от спелости матового яблока, которое, отделившись от стебелька своего, упало на землю и до того было сочно, что после падения покрылось каплями выступившего наружу своего сока. В высокой груди ее был такой сильный жар от огня свежей-ее молодости, что краска, покрывавшая грудь, потеряла свой цвет и как бы сгорела. На ее одежде, верхней и нижней, виднелись кое где пятна, — видеть, что они были в употреблении. Итак, это не богиня, а человек! И, о счастье! Молодость ее, очевидно, еще неизведана мужчиной, так как все тело ее хотя и нежно, но не дрябло. Хотя кожа на ее теле весьма сильно лоснится, однако она как бы пронизана белизною, как бы просвечивает. На лице ее нет резкой красноты, так как оно не испытало еще страстных поцелуев. Как драгоценный коралл, краснеют ее губы, и щеки ее упруги, как красноватый внизу лепесток не вполне еще раскрывшегося цветка чампака. Она спит сладко и безмятежно, не боясь попасть под стрелы бога любви. На бюсте ее красуются груди, которые

не распознать еще вследствие безжалостных любовных объятий. Сердце мое льнет к ней, между тем инстинкт мой никогда меня не обманывал, сердце никогда не влекло меня туда, где могли бы быть нарушены соответствующие мне правила жизни. Если я дам волю своему чувству и обниму ее, то ясно, что она закричит, как ужаленная, и проснется. Но не обнять ее и лежать тут долее я не могу. Пусть что будет, то будет! На этом я испытую свое счастье!»

Тут я дотронулся до нее настолько легко, что почти не коснулся ее вовсе. Жуть любви пронизала меня, и я продолжал лежать неподвижно, притворившись спящим. Она же слегка шевельнулась, почувствовав на левом боку (где я до нее дотронулся) сладостную дрожь. Медленно и лениво стала она чуть-чуть потягиваться. Кончики ее ресниц зашевелились, она приоткрыла глаза, зрачки смотрели томно и лениво, а веки еще слипались по краям глаз от не вполне прошедшего сна. Любовь удивительна в своих проявлениях, и каких-каких только не вызывает она вместе с собой разнообразных чувств. Тут виднелись разные оттенки чувства стыда, соединенные то с испугом, то с удивлением, то с восторгом, то со страстью, с шаловливым кокетством. Она хотела было вскрикнуть, чтобы разбудить служанок, и с большим трудом удержалась, чтобы этого не сделать. Едва-едва она сдерживала сердце свое, очутившееся во власти сильного порыва любви, и едва удержалась от каких-либо движений, при чем все тело ее покрылось от испуга, как от усилия, каплями пота. Она высоко подняла головку и, нежно прищутив глазки, с любовью тихо тихо рассматривала меня всего.

Вдруг, хотя сердце мое было совершенно полно страсти, я засыпаю вновь, затем чувствую боль во всем теле, как от прикосновения к чему-то твердому, и просыпаюсь. Осмотревшись, я увидел тот же самый дремучий лес, что и накануне; я оказался под тем же деревом, и подо мною было то же ложе из листьев и веток. Ночь стала проясняться. Я задумался. «Что это такое?» — мелькало у меня в душе. «Сон ли, или обман? Какое-нибудь божеское или дьявольское наваждение? Но будь, что будет! Я во всяком случае не покину этого места и этой своей постели на голой земле до тех пор, пока не узнаю, что это было в действительности. Всю свою жизнь, если на то пошло, буду я приходить ночевать сюда под защиту гения-хранителя этого места!»

Приняв это решение, я встал. Как вдруг показалась какая-то женщина. Все стройное тело ее казалось страдало, как страдает гирлянда лотосов под влиянием раскаленных лучей солнца. Она, видимо, была в разлуке с мужем и не заботилась о своей внешности. Ее верхняя одежда была в беспорядке, ее губы без помады имели красновато-грязный цвет, они сморщились, как бы иссушенные огнем ее вздохов. Казалось, что через них вырывается наружу жгучий огонь ее одиночества, вместе с красновато-коричневым дымом. Ее глаза были совершенно красны, казалось, они состояли из одной крови, все остальное вытекло из них в непрерывном потоке слез. Ее темные волосы были сплетены в одну косу в знак верности супругу во время

разлуки с ним, они обратились как бы в веревку, эмблему оков честного поведения. Эта темная коса на вершине ее тонкого тела напоминала темно-голубую ленту, прикрепленную к вершине шеста. Это было как бы движущееся знамя супружеской верности. Хотя она и очень, очень исхудала, однако вследствие божественного какого-то величия она не казалась совсем безжизненной, сохраняя кое какие краски. Я припал к ее ногам. Она страшно обрадовалась. Дрожащими руками она меня подняла, обняла, как сына, и поцеловала в голову. В ее грудях появилось молоко, казалось то выходила из нее ее материнская любовь. Оставшиеся слезы скопились у нее в горле, и прерывистым от волнения голосом она сказала.

РАССКАЗ ФЕИ.

Милый, я мать твоя. Разве не рассказывала тебе Васумати, царица Магадийская, про меня? Разве не рассказывала она, что однажды пришла к ней какая-то женщина, назвавшаяся дочерью Манибадры, которая передала ей в руки младенца Артапала, и, рассказав целую историю о себе, своем муже, сыне и подругах, историю, которую она в свою очередь слышала от самого бога Куверы,—скрылась. Это была—я, твоя мать. Отец твой—Камапал, сын Дармапала и младший брат Сумантра. Беспричинная ревность омрачила мой рассудок, и я бросила его. Потом я горько в этом раскаялась. [Во сне я видела, как кто-то в образе демона подошел ко мне и проклял меня, сказав: «Ты ревнивал! Я поселюсь в тебе и проживу целый год, чтобы ты почувствовала горе житья в разлуке с мужем». С этими словами он вошел в меня, и я проснулась.

Год этот прошел. Мне кажется, что он длился тысячу лет. Прошлою ночью я отправляюсь в город Шравастии с целью провести там праздник в честь Шивы, трехглазого бога богов, а также повидаться со своими родными, которые на этот праздник все собираются из своих насиженных мест. Я хотела там же исцелиться от тяготевшего на мне проклятия и затем вернуться к своему мужу. На пути я натолкнулась на тебя в то время, как ты, кончая вечернюю молитву, проговорил: «Я отдаюсь под защиту гения-хранителя этой местности»—и заснул. Тогда я еще находилась во власти несчастного проклятия, я не могла сразу определить, кто ты. Но я подумала: «Раз он молит о защите, то не годится оставлять его одного в этом дремучем лесу, где он подвергается стольким опасностям»,—и, не разбудив, я взяла тебя спящим с собой. Когда же я пролетала мимо того царского дворца, где ты только что был, я подумала: «Могу ли я показаться на праздник в обществе этого юноши?»—и в это самое время я случайно увидела на верхней террасе женской половины дворца, где так приятно спится в летнюю пору, лежащую на широкой, мягкой постели, Навамалику, дочь царя Шравастийского, царя, носившего с полным правом имя Дармавардана, т. е. «защитника справедливости». «Хорошо, что она спит,—подумала я,—и все окружающие ее служанки погружены в глубокий сон! Пусть этот молодой брамин по-

лежит здесь часик другой, не более, а я пока успею слетать в город, исполнить там свои дела и вернуться во-время обратно».

Я положила тебя там на террасе дворца и сама удалилась в сторону города. Налюбовавшись блеском празднества, я зашла к своим родным и испытала радость свидания с ними. Затем я пошла в храм, поклонилась богу Шиве, владыке трех миров и, со страхом вспоминая о своей проступке, стала молиться владычице Амбике, его супруге, сердце которой известно своею милостью к существам, ей всецело преданным. И вот она, божественная дочь Гималая, с милостивою улыбкой обратилась ко мне со словами: «Не страшись, милая моя! Ты можешь теперь вернуться к своему супругу. Срок проклятия, тяготевшего над тобой, миновал». В тот же момент я снова оказалась во всеоружии всех своих сил и способностей. Тогда я вернулась туда, куда положила своего юного брамина, и, лишь только на него взглянула, сразу безошибочно признала в нем тебя.

«Как! Это мой собственный сын Прамати, дражайший друг моего милого Артапала. Как же это я, негодная, не узнала его и обнаружила такое к нему равнодушие! Кроме того, он уже успел влюбиться, да и царевна со своей стороны любит его, такого красивого молодого человека. И тот, и другая лишь представляются спящими. И стыд, и страх мешает им открыться друг другу. Теперь мне необходимо уходить. Молодого человека я возьму с собой. Тайна его посещения пока что будет сохранена. Она тронута любовью к нему и не проронит ни словечка ни подругам, ни служанкам. Впоследствии случай ему представится, и он сумеет найти надлежащие пути для того, чтобы добиться своей цели». Приняв такое решение, я пустила в ход свои чары, усыпила тебя и принесла тебя обратно на эту постель из листьев и ветвей. Вот что произошло! Теперь прощай, я возвращаюсь домой к стенам отца твоего».

При этих словах я встал, приложил ко лбу сложенные вместе ладони. Она же несколько раз меня обняла, прикоснулась к голове, поцеловала в щеки и, расстроенная приливами любви ко мне, удалилась. А я, будучи весь во власти пятистрелого бога Амура, пошел обратно в Шравастии.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ПРАМАТИ.

По дороге я зашел в большой купеческий поселок, где в это время происходил петушиный бой. Следившие за ним купцы страшно шумели, я подошел, смешался со зрителями и, увидав, в каких условиях начинается бой, невольно усмехнулся. Сидевший около меня какой-то старый брамин, повидимому старый плут, потихоньку спросил меня, почему я, собственно, смеюсь. Я ему ответил:

«Как же это, на самом деле: на восточном кону стоит петух нарикельской породы, несравненно более сильный, и против него на западном кону выпускается людьми, которые, очевидно, ничего не понимают, петух балакской породы!» Тогда старый брамин, который отлично это понимал, проговорил:

«Молчи! Не стоит учить дураков!» — и, вынув из кожаного мешечка бетелевый пакетик вместе с кусочком камфоры, предложил мне и стал занимать меня в течение некоторого времени разного рода интересными рассказами.

Между тем бой двух петухов развивался и достиг высшей степени ожесточения. При каждом ударе одного из них, державшая за него партия поднимала такой крик, что казалось зарезали льва. В конце концов петух западного кона был побит. Тогда мой старый плут-брамин, обрадованный тем, что победила та сторона, за которую он держал, и благодарный мне за то, что я не расстроил его планов, превратился в моего друга, хотя мы по возрасту и очень мало подходили друг к другу. Он в тот же день пригласил меня к себе на дом, предложил мне купание и угощение и на следующий день, когда я продолжал свой путь к Шравасте, он вышел провожать меня. На прощание он сказал: «Если будет в чем-либо нужда, вспомни обо мне!» Затем мы расстались, как друзья, и он вернулся к себе. Я же достиг Шравасты и, усталый от дороги, прилег отдохнуть в парке, прилегающем к городу, в беседке, покрытой вьющимися лианами.

Меня разбудил крик лебедей. Я встал и увидел идущую на меня молодую женщину, у которой на ногах шумели звенящие ножные браслеты. Она подошла ко мне. В руках у нее был написанный на полотне портрет какого-то мужчины, похожего на меня. Она по очереди смотрела на меня и на него и наконец остановилась на некоторое время не то с удивлением, не то с сомнением, не то с радостью. Я также был поражен сходством портрета со мною и, желая узнать, что заставляет молодую женщину искать чего-то и так меня рассматривать, так как без причины это быть не может, я решил вступить с нею в разговор.

«Зачем, на самом деле, утруждать себя и так долго стоять на ногах? — сказал я. — Не присесть ли нам? Вот, например, это предельное местечко в этом дивном парке, оно всем одинаково принадлежит, и потому, заняв его, мы ни чьих прав не нарушим!»

Она улыбнулась, сказала: «Благодарю вас» — и присела. Между нами завязался разговор о разных предметах и, между прочим, о местных происшествиях. Втянувшись в разговор, она спросила меня:

«Ты, наверное, чужестранец. Видать, что ты как будто устал от путешествия. Если ты считаешь это не неудобным, то сделай милость, отдохни сегодня у меня в дому».

«Ах, милая моя, — сказал я, — это не только не неудобно, а весьма даже удобно!» И я последовал за ней. Придя к ней в дом, я был принят, как царь. После купания, угощения и т. п. благ мы расположились с ней в приятном уединении, и она меня спросила:

«Скажи, благородный господин! Во время твоих скитаний по белу-свету не случилось ли тебе испытать чего-нибудь непонятного?»

У меня мелькнуло в душе: «Ого! Это хорошее начало! Наверное, это одна из подруг молоденькой царевны, которую я ведь видел окруженною всем сонмом ее приближенных. На картине же этой изображена, кроме

того и верхняя терраса с натянутой над ней белой завесой, а также и очень широкая, белая, под цвет осенних облаков, постель, и лежащая на ней собственная моя фигура со слившимися во сне глазами. Поэтому я догадался, что дело тут в следующем. Бог любви довел также и царскую дочь до такого состояния, что она, нестерпимо страдая от огня любви и не будучи в состоянии найти себе место, подверглась настойчивым вопросам со стороны подруг о причинах ее страданий. Не желая прямо сказать, в чем дело, она дала однако достаточно ясный ответ посредством ловко придуманного маневра, а именно—путем этого самого моего портрета. Если она задаст мне вопрос о том, не случилось ли со мной чего-либо непонятного, то это потому, что мое сходство с портретом вызвало в ней догадку. Я расскажу ей всю правду и рассею все ее сомнения!»

Приняв такое решение, я сказал: «Госпожа дорогая, дайте мне этот портрет». Она передала его мне в руки. Тогда я взял его и изобразил на соответственном месте той же картины также и ее, мою возлюбленную царевну, притворяющуюся спящей и находящуюся в смятении сильного порыва любовной страсти. Нарисовав ее, я прибавил:

«Когда я спал в дремучем лесу, то я видел вот такую именно молодую женщину спящей рядом с таким мужчиной. Должно быть, это сон!» Она обрадовалась, стала подробно меня расспрашивать, и я рассказал ей все происшествие со всеми подробностями. Со своей стороны, она мне расписала все разнообразные проявления чувства, вызванные у царевны, ее подруги, моим появлением. Выслушав ее, я сказал:

«Если твоя подруга столь ко мне внимательна, и если сердце ее стремится ко мне, то повремени несколько дней. Я между тем найду способ устроиться так, чтобы, не возбуждая ничьего подозрения, жить у вас в серале, и тогда обращусь к тебе».

Не без труда уговорил я ее согласиться. Затем я отправился в ту самую деревню, где я познакомился со старым проходивцем брамином, и зашел к нему. Он засуетился, устроил мне отдых, дал умыться, накормил и сделал все прочее так же, как и в первый раз, и затем, когда мы остались наедине, спросил:

«О, благородный ариец, что привело тебя так скоро обратно?» Я отвечал:

«Твой вопрос, о, благородный ариец, как нельзя более уместен. Слушай же. Ты знаешь город Шравасты и слыхал о царе его Дармавардане, этом воплощении справедливости. У него есть дочь, превосходящая своею прелестью богиню Красоты, она является как бы дыханием бога Любви и своею нежностью превосходит свежий цветок жасмина. Зовут ее Нава-малика. Случилось так, что я с ней встретился и она своими глазами так пронзила меня в уязвимое сердце мое, что, казалось, сам бог любви осыпает меня стрелами по самым жизненным частям моего тела. Не будучи в состоянии без тебя залечить эти раны, я пришел сюда, полагая, что ты подобен самому Данвантари, врачу богов, и что нет другого врача, тебе равного. Сделай милость, помоги мне в осуществлении некоего придуманного мною плана действий. Он состоит в следующем, Я пере-

оденусь в женское платье, и ты будешь выдавать меня за свою дочь. Мы вместе пойдем к царю, когда он в помещении судилища будет заниматься делами, и ты ему скажешь:

«Вот моя единственная дочь. Мать ее умерла сразу после родов. Я один ее вырастил, был для нее одновременно и отцом, и матерью. Мой родственник по женской линии, один молодой брамин, ее жених, отправился в Уджайни, главный город царства Авантийского. Там он приобретает познания, которые составят для него ту цену, которую он заплатит мне за мою дочь. Я дал слово выдать ее за него и потому не могу отдать ее другому. Между тем она уже выросла, а его все еще нет. Поэтому я решил сходить за ним, привести его, отдать ему руку дочери и затем, передав им все хозяйство, удалиться в пустыню. За взрослыми девицами, в особенности когда они лишены матери, нужно следить очень зорко, осуществлять же этот надзор очень трудно, потому я прибегаю к тебе, царь! Ты заменяешь твоим подданным, когда нужно, и мать, и отца, ты естественный защитник тех, кто находится в затруднении. Если ты меня, ученого брамина, пришельца, оказавшегося в затруднительном положении, милостиво причислишь к тем, на которых распространяется твое покровительство, о, ты первейший из царей, следующих по пути древних правителей! то пусть эта моя непорочная дочь поживет под защитой десницы твоей, как путник под тенью ветвистого дерева, я же пока схожу и приведу ее жениха».

Если ты будешь говорить с ним в этом тоне, то он будет польщен и поселит меня вместе со своею дочерью. Тогда ты можешь уйти. Следующий месяц будет март, и вот день мартовского полнолуния там празднуется. Все обитательницы серала в торжественной процессии пойдут на купание. Ты тогда возьми с собою пару белой мужской одежды и дожидайся меня в храме бога Кумара, что в бамбуковой роще, к востоку от места купаний версты за четыре. Я же все это время, не возбуждая ни в ком ни малейшего подозрения, буду находиться в связи с царской дочерью и во время этого праздника буду особенно с нею забавляться в волнах Ганги, затем, воспользовавшись моментом, когда все девушки будут увлечены играми в воде, я нырну, проплыву под водой и вынырну как раз недалеко от тебя. Тогда я брошу женский костюм, надену принесенные тобою две мужские одежды и пойду вместе с тобою. Ты же будешь выдавать меня за своего будущего зятя (того жениха дочери твоей, которого ты привел из Уджайни). Царевна же будет ведь искать меня и, нигде не найдя, будет все время рыдать в серале и говорить: «Без нее мне жизнь не мила!» Между тем по поводу моего исчезновения произойдет большой переполох, служанки будут рыдать, подруги будут проливать слезы, городское население будет выражать сочувствие, царь со своими министрами не будет знать, что делать. Тогда ты приведи меня в приемный зал к царю и скажи ему следующее:

«Царь! Вот мой зять. Он достоин твоего царского уважения. Он знает писание, все четыре Веды, знаток также вспомогательной литера-

туры, ловкий диалектик, все шестьдесят четыре искусства он знает теоретически и практически, в особенности же он специалист в учении о слонах, о лошадях и повозках, никто с ним не сравнится в стрельбе из лука и в употреблении в бою палицы, к тому же он талантливый рассказчик древних преданий и сказок, автор поэм, драм и повестей, глубокий знаток политических учений вместе с секретным учением о некоторых приемах управления. Кроме того, он никогда не завидует чужим достоинствам, доверчив к друзьям, любезен, всегда поделится тем, что имеет, помнит то, что ему говорят, и не имеет никакой гордости. Вообще я не вижу в нем ни малейшего недостатка и не вижу того достоинства, которым он бы не обладал. Обыкновенный брамин, такой, как я, собственно недостойн иметь такого родственника. Я после того, как отдам ему дочь, как то приличествует моей старости, покину дом, войду в последнюю отшельническую стадию жизни, если только ты, о царь, одобришь мои намерения».

Когда царь выслушает такие твои слова, он побледнеет в лице, придет в совершенное замешательство и начнет вместе со своими министрами готовить тебя, распространяясь о невечности всего земного и т. п. Ты же, узнав, в чем дело, перестанешь их слушать, станешь плакать навзрыд и после продолжительных рыданий, глотая слезы, начнешь собирать дрова, разжигать огонь и делать все приготовления к тому, чтобы сжечь себя живым на могильном костре, тут же у ворот дворца. Увидев это, царь вместе с министрами немедленно бросится к твоим ногам, упросит тебя остановиться и одарят тебя богатыми подарками, царь отдаст за меня свою дочь и когда я своими способностями заслужу его доверие, то передаст мне все бремя управления царством. Вот весь мой план. Его нужно привести в исполнение, если ты ничего против этого не имеешь».

Так как хитрый этот брамин был первейшим из пройдох и неоднократно осуществлял во всех подробностях хитро-задуманные планы обмана, то он очень ловко провел все, что только что было сказано, со многими добавочными подробностями. Результат не заставил себя долго ждать. Мы достигли всех наших целей. Подобно тому, как пчела использует и наслаждается свежим цветком жасмина, точно так же и я использовал и наслаждался чистой молодостью царевны Навамалики. Теперь я прибыл сюда в город Чампу со всеми своими войсками, имея в виду две цели: во первых, оказать помощь этому царю Синхаварману и, во вторых, для того, чтобы встретиться тут со всеми друзьями. Судьбе было угодно, чтобы я ослатливлен был свиданием также и с тобою, о царь!»

Улыбка просияла на лотосообразном лице царя, когда он выслушал этот рассказ о приключениях Прамати, и он сказал:

«Сила твоя лежит в очаровании, приемы твои отличаются мягкостью, люди проникательные предпочитают такой способ действий. А теперь твоя очередь!» — сказал сын царя земного и взглянул на Митрагупта.

(Продолжение следует)

Перевел с санскритского

Ф. Щербатской